

БРАЧНОЕ АГЕНТСТВО «УЗЫ ГИМЕНЕЯ»

комедия в четырех действиях

Действие первое.

Веранда дачного домика. Летний день. На веранде Вика и Света. Света шьет что-то на пяльцах. Вика ходит по веранде.

ВИКА (*останавливается*). Света, как ты можешь жить, так?

СВЕТА. А именно, как?

ВИКА. Сидишь тут, на даче, безвылазно, причем, скучно, без вдохновения, без полета!

СВЕТА. Летчица... Слушай, Вика, что на тебя нашло? Упрекаешь меня непонятно в чем. Вдохновение... я, что, стихи сочинять должна в свои двадцать семь лет?

ВИКА. Стихи, это – позавчерашний отпад! Сейчас для молодой женщины знаешь, что нужно?

СВЕТА. Ну...

ВИКА. Баранки гну! Да брось ты это старушечье шитье.

СВЕТА (*откладывает пяльцы*). Бросила.

ВИКА (*подсаживается к Свете*). Мы с тобой, Света, сколько лет знакомы? Сто? Двести?

СВЕТА. Хотя ты, подруга и сильно преувеличиваешь, но нас судьба свела с шестого класса. Помнишь, как мы с тобой Петьку Воронова водой облили?

ВИКА. Помню, он потом к завучу жаловаться ходил. Мы с тобой – старые одноклассницы.

СВЕТА. Именно – старые...

ВИКА. Не цепляйся к словам и брось извечный бабий пессимизм. Мы еще ого-го!

СВЕТА. Вика, это «ого-го», в каком смысле?

ВИКА. В самом прямом. Мы, Света, мужиками так крутить начнем, что они взвоют от свалившегося на них счастья, обалдеют, упадут у наших ног и начнут просить пощады. А мы будем непреклонны и неприступны, конечно, до разумного предела, когда стоит неприступность отставить. Ну, ты меня понимаешь, в каких это случаях.

СВЕТА. Фантазерка...

Слышен собачий лай.

СВЕТА. Пойду, гляну, чего там Ральф разлаялся.

Света уходит за дом.

ВИКА (*ворчит*). Сбежала... Еще бы, хороший способ увильнуть от серьезного разговора (*берет пяльцы, рассматривает шитье*). Как старушенция какая-то (*бросает пяльцы*). К чему этот мартышкин труд? Сейчас можно купить вещь с любым рисунком и расцветкой.

Нет, я Светку обязательно вытащу на свет божий, туда, к мужикам!.. (*ходит по веранде, поет*):

«Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я!

Принца, герцога, барона или короля.
А без мужа злая стужа будет жизнь моя.
Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я!»

Входит Света. Она аплодирует.

СВЕТА. Браво! На герцогов и королей намерена охотиться? Только, где их сейчас найдешь? В нашей реальной жизни больше водопроводчики и шоферы.

ВИКА. Их полно, подруга, но эти богатенькие ребята нынче надели на себя другие личины, как хамелеоны. Чем тебе не нравится, допустим, король, допустим, пивного бара или бензоколонки, а ты при нем – королева!

СВЕТА (*насмешливо*). Королева бензоколонки! Только где набрать подобных королей для всех нас, страждущих?

ВИКА (*поет*). «В любви ничего невозможного нет...»

СВЕТА. Так то, в любви.

ВИКА (*подходит к Свете, кружит ее, поет*). «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны!..»

СВЕТА. Что это на тебя нашло?

ВИКА. А чего ты с утра куксишься, напустила на себя вселенскую грусть (*поет*)? «Любовь растаяла в тумане дымкою, а мне оставила седую грусть...» Как ты смотришь насчет появления в скором появлении в твоей жизни очередного мужчины?

СВЕТА. В каком смысле?

ВИКА. В самом прямом, чтобы один из представителей человечества, противоположного пола, обнял тебя, закружил и...

СВЕТА. Что, «и»?..

ВИКА. Сама знаешь, ну, чтобы этот, самец, отнес тебя на кровать.

СВЕТА (*зажимает руками уши*). И слушать не хочу!

ВИКА. А потом...

СВЕТА. Вика!..

ВИКА. Уже почти двадцать восемь лет Вика. Я тебя, подруга, давно знаю: если не помочь в этом деликатном деле...

СВЕТА. Я ничего не слышу!

ВИКА. Придется! Ты у меня никуда не денешься, завтра же начнем поиск!

СВЕТА. Поиск?

ВИКА. Ага! Да убери же, Света, руки от ушей!

СВЕТА (*убирает руки*). И как ты думаешь найти... этого самого...

ВИКА. Самца!

СВЕТА. Мне больше нравится термин – друг. Ты его будешь искать при помощи Ральфа? Представляю, как вы идете по следу. Ты – настоящая мисс Марпл, только намного моложе.

ВИКА. Твой Ральф, который сейчас сладко млеет за домом на солнышке, так растолстел, что и мышей не ловит. А я осуществляю поиск современными способами.

СВЕТА. Это какими же?

ВИКА. Не глупи, подруга, ты же прекрасно знаешь, что я возглавляю брачное агентство.

СВЕТА. Брачное агентство! Как громко и дерзко сказано! Ты, Вика – натуральная подпольная сваха, причем, не совсем высокого пошиба!

ВИКА. Пусть будет так. Я же не могу пока широко афишировать свои услуги – тут же налоговая инспекция наскочит и придушит мой бизнес на корню. Но некоторым я уже помогла.

СВЕТА. И кому же это, если не секрет?

ВИКА. Васюкову Верку знаешь, из моего дома? Помнишь, я пару месяцев назад в твоём присутствии ей долг отдавала?

СВЕТА. Такая толстая, из семнадцатой квартиры?

ВИКА. Ну! Она самая. Я ей очень даже приличного узбека нашла. Он, правда, лопочет что-то непонятное по-своему, но замуж уже предложил Верки выйти, за московскую прописку, разумеется, не без этого. На будущей неделе уже и свадьбка!

СВЕТА. А как же Вера и ее жених разговаривают друг с другом?

ВИКА. Любовь! Она и горы свернет! Зачем им о чем-то и разговаривать, когда основное дело сладилось?

СВЕТА. Какое еще дело?

ВИКА. Обычное, житейское. Узбек этот горячим оказался, недаром родом из знойной Азии! А Восток – дело тонкое, он, этот самый Мустафа, оказался выдумщиком на всякие там интимные прибабасы. Верка от него просто млеет.

СВЕТА. А-а-а...

ВИКА. Представляешь, она по утру ласково говорит узбеку: «Салям алейкум, Мустик!», на что Мустик отвечает: «Алейкум салям, Верь-я!» И получает вдохновение на новые трудовые подвиги.

СВЕТА. На какие еще подвиги?

ВИКА. На эти самые, постельные... Заметано! Я окончательно поняла, что нужно и тебе подходящую пару подыскать, ведь, ты у нас красавица, да и душевных качеств не занимать.

СВЕТА. Ты, Вика, уже все за меня решила!

ВИКА. Не сердись, Света. Твоя нерасторопность в данном животрепещущем вопросе только усугубляет ситуацию: времечко-то бежит. А, вот, когда мое брачное агентство заработает полную мощь!..

СВЕТА. В твоём, так называемом, агентстве только ты да компьютер.

ВИКА. У тебя, подруга устарелые сведения. Я совсем недавно сняла прекрасное помещение для офиса, правда, это полуподвал. Но, как говорится, Наполеон тоже начинал с самых низов.

СВЕТА. И чем он кончил?

ВИКА. Светка, не лови меня на слове! Короче, Влад при разводе себе машину забрал, а я специально выторговала у него это помещение, там находился склад фирмы моего бывшего муженька. Сделала евроремонт, все по науке, по фэншую. И теперь я не только могу гулять по просторам Интернета, отыскивая женихов для невест, и наоборот, но и принимать посетителей! Так сказать, видеть воочию женихов и невест, а не виртуально, как раньше.

СВЕТА (*задумчиво*). Выходит, я в твоих, наполеоновских планах – невеста?

ВИКА. Да, причем, со своей квартирой, ротвейлером и дачей. Естественно, дача в перспективе.

СВЕТА. Вика! Эта дача моей мамы!

ВИКА. Не вечно же ей жить, впрочем, как и нам с тобой.

СВЕТА. Невеста с дочкой и Ральфом. Почти как дама с собачкой!..

ВИКА. Не прибедряйся (*обходит Свету*). У тебя всё на месте: стоячая грудь, порядочный зад...

СВЕТА. Вика!.. Бессовестная!.. (*прыскает в кулак*) Порядочный зад... Порядочным может быть только человек.

ВИКА. Ага!.. (*цитирует*) «И это звучит гордо!..» А насчет бессовестности... Я напрочь отвергаю это твое несправедливое определение. Мужчины, знаешь, как на нас, женщин, смотрят?

СВЕТА. Как?

ВИКА. Как коты на сметану, как волки на ягнят, как...

СВЕТА. Ну, уж, и все...

ВИКА. До одного! Если он на тебя не смотрит с вожделием, значит, и не мужчина вовсе, так, прямоходящее заблуждение.

СВЕТА. Перестань всё огульно опошлять.

ВИКА. Не перестану, так как знаю, что ЭТА тема тебя очень даже интересует. Ты только прикидываешься «синим чулком», а сама спишь, и видишь...

СВЕТА. Хорошо, Вика, рассказывай, а то привыкла обвинять меня в сексуальном ретроградстве.

ВИКА. А чего рассказывать? Ты и сама все знаешь, ну, может быть, почти все.

СВЕТА. Как говорил Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю».

ВИКА. Вот теперь, Светка, ты мне нравишься: вспомнила к месту древнего грека, а то все твердила что-то про пошлость.

СВЕТА. Еще бы, я окончила все-таки в свое время философский факультет.

ВИКА. Причем, с красным дипломом! Представляешь, найду я тебе суженого, будете с ним лежать, а ты возьмешь и задвинешь, как бы, между прочим, про какого-нибудь там грекоса.

СВЕТА. Вика, ты опять за свое!

ВИКА. За свое? Это всё наше, природное... А я тоже про твоего Сократа кое-что вспомнила (*декламирует*):

«Ехал грека через реку.

Видит грека в реке рак.

Сунул грека в реку руку,

Рак за руку цап-царап!»

СВЕТА. Детский стишок... Каким другим тогда мир нам казался – чистым, светлым, в котором нет плотских отношений, а есть возвышенность и нежность чувств.

ВИКА. Не вздыхай, а то и мне муторно на душе становится. Я, впрочем, и в детстве ничего хорошего не видела – мать гуляла напропалую, отец пил. Это у тебя родители добродетельными были: оберегали доченьку от всех житейских забот. Признайся, ты, наверное, только в старших классах узнала, что мужчины самой природой созданы для удовлетворения некоторых, причем очень даже важных, потребностей женщин.

СВЕТА. Ты неисправима... Ведь, есть же, однако, на свете любовь!

ВИКА. Есть, но не про нашу с тобой честь. Твой Эдик погулял полгода, и смылся, только его и видели. А в итоге Даша появилась.

СВЕТА. Я рада, что у меня есть дочка.

ВИКА. Не спорю. У меня, к сожалению, даже собаки дома нет, да и не очень-то я к ним привязана. Мне больше нравится общение с компьютером (смеется). Говорят, сейчас это новое извращение.

СВЕТА. Кстати, Вика, все интимные подробности, касающиеся мужчин, я узнала именно от тебя.

ВИКА. Выходит, и я могу приносить людям пользу! Впрочем, ты все равно осталась, синим чулком. В наше-то время не перестать краснеть!

СВЕТА. Кажется, мой телефон звонит.

Света входит в дом.

ВИКА. Глупая баба!.. Впрочем, все мы таковы. Вот я, чем лучше? Даже ребеночка не завела. И Влад оказался таким непорядочным, после стольких лет брака вдруг заявил: «Я хочу настоящей любви, а не суррогата...» Выходит, я – суррогат!.. А может быть мой бывший муж прав: кто окажется способным терпеть столь взбалмошную жену? Да и на горячем, надо признаться перед собой, пару раз прихватил...

Входит Света с мобильным телефоном в руке.

СВЕТА. Уже сама с собой разговариваешь?

ВИКА. Это я про свою безрадостную судьбу вслух размышляю.

СВЕТА (*кладет на стол телефон*). Это Даша звонила.

ВИКА. Ну, и как там ей живется в летнем лагере?

СВЕТА. Сказала: «Мама, о тебе скучаю»,

ВИКА. Ты, Светка, счастливая...

СВЕТА. Вика, может быть, именно тебе в первую очередь надо подумать о мужчине, о крепкой и дружной семье, впоследствии? Кстати, я твоего Владислава вчера случайно встретила возле кинотеатра «Космос».

ВИКА. Он был не один?

СВЕТА. Да. А как ты догадалась?

ВИКА. Интуиция... И какой же тебе показалась его новая пассия?

СВЕТА. Ничего... Но ты намного интереснее этой крашеной блондинки.

ВИКА. Правда? Нет! Ты льстишь мне, Света.

СВЕТА. Нисколько. У тебя тоже все на месте. Ну, ты меня понимаешь. А эта женщина несколько худа, настоящая щепка. Да ты пей чай, подруга.

ЗВИКА. Понимаю... Однако Влад выбрал крашеную блондинку. Впрочем, ему настоящая любовь нужна... (*всхлипывает*) А я – натуральный суррогат. Вот, мой бывший даже и не захотел заводить от меня ребенка.

СВЕТА. Вика!.. Успокойся, ты еще найдешь свое счастье.

ВИКА. Как же... мне после ухода мужа какие-то сплошные недоделки попадают. Один, представь себе, принес бутылку коньяка и сам же его выжрал. Я ему говорю: «Ты, что спать сюда пришел?» Он же буровит что-то невнятное, еле вытолкала за дверь.

СВЕТА. А тот, художник с бородой, ухоженной?

ВИКА. Шитов? Подлец! Восемь тысяч взял взаймы до продажи своей картины и слинял. Денежки мои, конечно, плакали, а сам Шитов вскоре на вернисаже выставился.

СВЕТА. Ты его видела?

ВИКА. Ага. Подошла на вернисаже, так мой художник заюлил, заерзал, говорит: «Я с вами, Виктория, сегодня же расплачусь», а глаза бегают, прямо не смотрят. Результат ясен: слинял голубок по нынешний день. Шуршики-то, тю-тю, плакали, а я их на новые сапожки собирала, мои итальянские давно уже развалились.

СВЕТА. Мне он, однако, импозантным показался, интеллигентным.

ВИКА. Вся его импозантность в бороде. А в настоящей мужской работе художник, увы, оказался не на высоте.

СВЕТА. Не поняла, в какой это работе?

ВИКА. Не придуривайся, Света. Сама знаешь, что нам надо от этих Шитовых и им подобным.

СВЕТА. Я по наивности думаю, нужна любовь.

ВИКА. Любовь? Ты, что, совсем офанарела? Книг начиталась? Помнишь, стихотворение (*цитирует*)? «Любовь с хорошей песней схожа, а песню нелегко сложить?» Так вот сейчас и песни пишут похабные, пошлые, глупые.

СВЕТА. В тебе, Вика, говорит неудовлетворенность жизнью. Надо радоваться тем малым, что нам отпущено, тогда и чуть более большое будет казаться грандиозным, значимым. И никакие Шитовы не испортят настроение, если станешь находиться в собственном сердце, где есть всё: любовь и свет, мудрость и восторженность.

ВИКА. Совсем рехнулась со своей дикой философией обособленности от реалий жизни! Впрочем, вот именно за это я больше всего и люблю тебя. Давай пить чай.

СВЕТА. С кем это ты, Вика, разговаривала?

ВИКА. Сама с собой. Что-то нашло на меня, разобраться даже никак не могу.

СВЕТА. А что именно?

ВИКА. Да, так... Вдруг задумалась о смысле жизни.

СВЕТА. Поздравляю!

ВИКА. С чем?

СВЕТА. С само преодолением!

ВИКА. Не ерунди, подруга. С каким это, еще само преодолением меня поздравляешь?

СВЕТА. С обычным, человеческим. Ты больше напускаешь на себя многоопытность и бесшабашность, а в душе ранима, как дитя.

ВИКА. Чуть собачья! Чуть не подавилась!.. Это тебе, Света, до сих пор снятся всякие там романтические бредни. А я – совсем другая!

СВЕТА. Подожди, вот, влюбишься, наконец-то появится долгожданный ребенок...

ВИКА. Ну, и что?

СВЕТА. Увидишь. Во-всяком случае, начнешь воспринимать мир именно через мироощущение малыша: а оно всегда чистое.

ВИКА. Мироощущение... и не выговоришь. И, вообще, разговор на эту тему портит нервную систему.

СВЕТА. Как ты любишь уваливать от серьезного словесного общения.

ВИКА. Тебе бы переквалифицироваться в эти, как они там называются... в попадьи!

СВЕТА (*смеется*). Попадья – жена попа! Не более! Ты, Вика, наверное, хотела сказать: в проповедницы?

ВИКА. Точно! Какая ты умная! Однако, как говорится, вернемся к нашим баранам.

СВЕТА (*хихикает*). Бараны, надо понимать, это – мужчины?

ВИКА. А кто же еще? Самые глупые на свете существа, но без которых нам, женщинам, никак не прожить!

Из-за дома появляются Дмитрий Иванович и Елена Васильевна. Они с мольбертами, на головах панамы.

СВЕТА. Как прошел пленэр?

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА (*прислоняет к стене мольберт*). Как всегда, в такое прекрасное летнее утро. Над нами пела малиновка, гудели шмели, в реке плескалась плотва. И мазок ложился друг за другом с неподражаемым изяществом.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Сегодня плодотворный день для творчества. Твоя мама набросала чудесный пейзаж: ракита над водой, заросли камыша (*ставит мольберт, целует Елене Васильевне руку*). Ты, Лена, – тонко чувствующая, ранимая натура.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Спасибо, Дима. Я пойду переоденусь.

СВЕТА. А я поставлю самовар.

Елена Васильевна и Света уходят.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (*подходит к Вике*). Как дела, моя дорогая леди?

ВИКА. Как дела? Пока не родила!

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Шутишь? Значит, все у тебя хорошо и на месте... (*обнимает Вику*).

ВИКА. Перестань, Дима, а, вдруг, кто-то сюда войдет?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Мы услышим. Как говорит латынь: «Carpe diem».

ВИКА. Что означает эта тарабарщина?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. «Срывай день», по-русски, дорожи мгновеньем (*целует Вику, залезает ладонью в вырез платья, бормочет*). «Остановись мгновенье, ты прекрасно».

ВИКА (*слабо*). Перестань...

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Перестать? Я от тебя молодею. Лет, этак, двадцать, кажется, скинул. Ты, юная леди, на меня влияешь благотворно.

ВИКА. А Елена Ивановна? Ты с ней живешь уже целых два года.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Два с половиной. Лена – прекрасный друг, товарищ по ремеслу, не более. А пламень – это ты.

ВИКА. Потому, что я моложе твоей сожительницы на двадцать лет?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Ты не только моложе, но и обольстительней. В тебе, Виктория, есть некий привкус перца, что ли...

Дмитрий Иванович и Вика целуются.

ВИКА. Ты – неисправимый Дон Жуан, причем, действуешь тихо, незаметно, но временами напористо.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Так и должно быть. Мне иногда кажется, что я люблю всех женщин на свете, конечно, до определенного возраста. И всем им я желаю самого наилучшего. Ты, Вика, вдохнула в меня вторую молодость, я полон сил и энергии и, главное, творческого вдохновения. Это я польстил Лене: у нее пейзаж получился так себе, посредственный, а у меня – полный экспрессии, внутреннего света. Это я тебе говорю без излишнего хвастовства.

ВИКА. А если я найду себе другого, постоянного мужчину, замуж, может быть, выйду, наконец? Это повлияет на твое творческое вдохновение?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Несомненно. Но я буду ждать, как верный пес, как ротвейлер Свету. Буду ждать и надеяться.

ВИКА. На что?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. На то, что и мне когда-нибудь обломится кое-что, как совсем недавно, позавчера (*кладет ладонь на колено Вики*).

ВИКА. Руки прочь от Кубы! (*шутливо ударяет своей ладонью по ладони Дмитрия Ивановича*).

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Там – Куба?

ВИКА. Ага! Запретная зона!

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Как, запретная даже для меня, неутомимого исследователя подобных зон?

ВИКА. Вот, именно! Ты, Дима, умеешь обольстить слабую женщину.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Это ты – слабая? Я тебя сразу же раскусил, Ты, Вика, мой достойный партнер. Ты знаешь, чего хочешь, что тебе нужно от конкретного мужчины, в

отличии от Светки. Впрочем, Света в чем-то даже похожа на свою мамашу: обе витают в облаках. А мужчину надо постоянно умирять, причем не просто силой, а силой страсти, перемежаемой с отталкиванием, только тогда он будет на коротком поводке. А если постоянно жужжать: «Я тебя люблю...» и не варьировать притяжение противоположного пола с периодическим неприятием, то можно и потерять мужчину.

ВИКА. Выходит, я действую правильно?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Да, у тебя, Вика, в этом вопросе потрясающая интуиция. Ты – лед и пламень!

ВИКА. Спасибо за оценку моих качеств по удержанию мужчин. Вот, только законного мужа я потеряла.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Не переживай, твой Владик – порядочный проходимец.

ВИКА (*прыскает в кулак*). Порядочный?..

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Ну, да. А что тут смешного?

ВИКА. Так, кое-что вспомнила.

Дмитрий Иванович и Вика целуются.

ВИКА (*отшатывается; сдавлено*). Сюда идут!..

Дмитрий Иванович берет мольберты и входит с ними в дом. Из дома появляются Елена Васильевна и Света.

СВЕТА. Самовар вот-вот закипит.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Вика, как хорошо, что ты решила пожить у нас здесь.

ВИКА. У меня, в моей новой квартире, во всю идет ремонт. Хорошо еще, что Влад согласился оплатить его.

СВЕТА. Он тебе оставил уютное двухкомнатное гнездышко.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Есть еще на свете щедрые мужчины.

Входит Дмитрий Иванович.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Ты, Лена, говоришь таким тоном, как будто это качество не касается меня.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты щедр своей любовью, это главное. Правда, я иногда думаю, что тебя интересует больше дача и машина: мое наследство от покойного Анатолия Михайловича.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Я не так мелок, как ты думаешь.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Откуда ты, Дима, можешь знать, что я думаю?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Я хорошо изучил твой характер.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. И... что же в нем?

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. В нем многое: тонкость души, безупречный вкус и... некая неудовлетворенность мною, глубоко спрятанная, но, тем не менее, иногда прорывающаяся наружу, как сейчас.

СВЕТА. О чем это вы, Дмитрий Иванович? Мама, всегда, как открытая книга, как наивный младенец.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. А я, выходит, преувеличиваю?

СВЕТА. Ну, если слегка...

ВИКА (*иронично*). Разговор становится интересным и содержательным.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Давайте прекратим его. Ты, Дима, был и есть мое лучшее приобретение последних лет.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Выходит, я, как некая вещь...

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты – мой любимый, единственный!

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Принял к сведению!

Елена Васильевна и Дмитрий Иванович целуются.

ВИКА. Мир и дружба!..

СВЕТА. Совет да любовь!..

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Я принесу самовар (*выходит*).

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. С мужчинами надо всегда быть начеку. Это я вам, молодежи, рассказываю наработки своего опыта. Вот, когда проживете с мое...

СВЕТА. Мама, не надо нравучений.

ВИКА. Поддерживаю... Вы уж извините, Елена Васильевна.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА. Сдаюсь! Куда мне против вас обеих?

Входит Дмитрий Иванович. Он водружает на стол самовар. Все садятся за стол. Дмитрий Иванович включает аудиосистему. Слышится песня: «Как упоительны в России вечера...» Все четверо пьют чай.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Постой, Лена. У тебя такой изящный поворот головы! Я сейчас запечатлею его (*берет со стола блокнот, делает набросок, бормочет*): «Как гений чистой красоты...» (*демонстрирует сидящим за столом рисунок*).

ВИКА. Красиво!

СВЕТА. Прекрасно схвачено!

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА (*берет в руку лист бумаги*). Ты льстишь мне. Я здесь чересчур юная...

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Ты и есть такая (*целует Елене Васильевне руку*). И, вообще, девочки, я рад, что вы присутствуете в моей жизни. Вы – как цветы...

ВИКА. Мерси, милорд.

Затемнение.

Действие второе.

Подвальное помещение – брачное агентство «Узы Гименя». В комнате («офисе») Вика и Света.

ВИКА. Как тебе мои апартаменты?

СВЕТА. Неплохо, только немного темновато.

ВИКА. Сейчас будет свет! (*поднимает жалюзи*). Ну, а сейчас?

СВЕТА. Нормально... (*подходит к стене, на которой под стеклом «бумага»*). О!.. Свидетельство о регистрации!..

ВИКА. Как и положено! А ты говорила, мол, у меня только я и компьютер.

СВЕТА (*осматривает офис*). Ксерокс, планшет... А это, что?

ВИКА. Проектор! Мы прямо сейчас сможем с тобой рассмотреть потенциальных кандидатов в мужа чуть ли не в натуральную величину, впрочем, как и невест (*садится за стол, Свете*). Садись вот сюда, напротив, я тебя в базу данных занесу.

СВЕТА. В какую еще базу?

ВИКА. Сейчас все узнаешь и увидишь.

Света садится. Вика достает из ящика стола фотоаппарат, направляет его на Свету.

ВИКА. Улыбнись, Света! (*делает пару снимков*). Смотри (*демонстрирует подруге изображение на экране фотоаппарата*). Ну, как?

СВЕТА. Второй снимок лучше.

ВИКА. Сейчас мы его выведем через проектор на стену (*подключает фотоаппарат к проектору*). Готово!

На стене высвечивается фотография Светы.

СВЕТА. Ну ты, Вика, и мастерица!

ВИКА. Не перехваливай, давай лучше твои данные в компьютер внесем (*манипулирует с клавиатурой*). Ага! Имя, фамилия здесь не нужна... Возраст – двадцать пять лет...

СВЕТА. Какие еще двадцать пять?

ВИКА. Ты выглядишь и вовсе на все двадцать. Так, подруга, больше вариантов. Рост – метр семьдесят... Грудь – четвертый размер...

СВЕТА. У меня – третий номер.

ВИКА. Святая простота! Лопух этого не заметит!

СВЕТА. А умный?

ВИКА. Ну... скажешь, был вставлен дорогуший силикон.

СВЕТА. Но у меня его никогда не было!

ВИКА. Это не важно... был, не был. Силикон и в Африке силикон... Так, опишем подробно квартиру...

СВЕТА. А дочку?

ВИКА. Умолчим. Просто отметим, была замужем, разведена...

СВЕТА. Но это же неправда!

ВИКА. Гражданский брак, и в Африке брак...

СВЕТА (*язвительно*). Как силикон?

ВИКА. А как же? Это всё важные атрибуты нашей нынешней жизни. Не дрейфь, Светка, мы с тобой еще увидим небо в алмазах!

СВЕТА. Как у тебя все легко получается: там прибавила, там убавила...

ВИКА. Такова жизнь... Всё!.. Не девушка, а загляденье. Я написала, что ты окончила университет, вот, правда, про философский факультет умолчала.

СВЕТА. Это почему?

ВИКА. Какому же дураку нужна умная жена? Знаешь, почему так неохотно берут в жены учительниц?

СВЕТА. Не знаю.

ВИКА. А потому, что они по укоренившейся школьной привычке, будут от мужей постоянно требовать: повтори, да повтори.

СВЕТА. А-а-а... чего будет требовать?

ВИКА. Все то же! Ну ты, Света, и отстой!

СВЕТА. Какая уж есть...

ВИКА. Не обижайся, я говорю это, любя. Знаешь, анекдот про сибирского кота?

СВЕТА. Нет.

ВИКА. Ну, так слушай. Короче, этот кот отморозил в холодной Сибири все свои важные причиндалы. Приезжает он в Сочи, на курорт, познакомился с местной кошечкой-очаровашкой и говорит ей: «Мадемуазель, я предлагаю вам руку и сердце...» Ты, чего смеешься?

СВЕТА (*сквозь смех*). У котиков... нет рук. У них – лапы!

ВИКА. Руки-лапы... так ли это важно? Весь кайф переломала.

СВЕТА. Извини. Так, что там произошло с сибирским котом?

ВИКА. Короче, что ему, с отмороженным главным местом, с кошечкой делать? Так и уехал холостяком в свою Сибирь.

СВЕТА. И чем же здесь мораль?

ВИКА. А в том, что мы, наше агентство, не будем допускать таких проколов в своей работе.

СВЕТА. Не будем привечать обмороженных котиков?

ВИКА. Именно! У меня всё будет на высшем уровне, особенно потенциальные женихи, без всяких там отмороженных причиндалов. Дело в том, подруга, что агентство «Узы Гименя» выходит на международный уровень! И мы заимеем женихов-иностранцев!

СВЕТА. А зачем они, зарубежные? У нас, в России, своих мало?

ВИКА. Сравнила... Там же, за границей, акулы капитализма, у которых кошечки набиты зеленью.

СВЕТА. А гордость? Что, не терпится продаться за доллары?

ВИКА. Гордость можно засунуть в энное место. Как говорит философия: «Бытие определяет сознание». Ладно, не скули про высокие нравственные стандарты, между прочим, филиал «Уз» в Штатах придаст агентству не только финансовую стабильность, но и непререкаемый авторитет. Вот, я получила от своего представителя в Нью-Йорке запись, сделанную скрытой камерой... (*включает проектор, выводит изображение на стену*). Если так и дальше пойдет дело, я сменю этот задрипанный подвал на настоящие апартаменты. Итак, смотри, подруга!..

СВЕТА. Да, но я не так уж хорошо знаю разговорный английский.

ВИКА. Я тоже, и поэтому заказала перевод.

Затемнение.

В квадрате экрана стол появляется кабинет мистера Стивена Берроуза. На столе обычное оборудование: компьютер, несколько телефонов и пр. В креслах сидят Стивен Берроуз, его помощник и младший компаньон мистер Майкл Стоун.

МАЙКЛ СТОУН. Вот недельный финансовый отчет, Стив.

СТИВЕН БЕРРОУЗ (*берет папку, водружает на нос очки, просматривает документы, комментирует*). Прекрасно, Майкл! Мы сделали еще один миллион!

Вика. Стоп!.. Надо немного перекрутить вперед...

Затемнение.

Вновь оживает «экран». Стивен Берроуз и Майкл Стоун жмут друг другу руки.

МАЙКЛ СТОУН. Итак, деловая часть прояснилась. А теперь, когда, выражаясь словами политиков, консенсус достигнут, поговорим о личной жизни.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. О чьей?

МАЙКЛ СТОУН. О твоей, Стив.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Ого! Теперь, выходит, мы с тобой на паритетных началах будем решать все мои проблемы, начиная от покупки нижнего белья до выбора зубной щетки.

МАЙКЛ СТОУН. Напрасно иронизируешь. Личная жизнь – неотъемлемая часть неделимого целого, называемого homo sapiens. Особенно болезненно вхождение в нее извне для нас, состоятельных американцев. Итак, мы имеем личную жизнь...

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Которая, к сожалению, как у звезд поп-искусства, у всех на виду.

МАЙКЛ СТОУН. Именно... Вот, возьмем твою бессменную секретаршу - солдат морской пехоты в юбке, настоящая мырма.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Мы-мра?.. Что означает это слово, Майк?

МАЙКЛ СТОУН. Ну, нечто совершенно не ласкающее взор. Это из русского языка, который я довольно неплохо освоил, находясь в длительной деловой командировке.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А что нужно от секретарши?

МАЙКЛ СТОУН. Требуются совершенные современные формы, ноги, бюст и прочее.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А ум, преданность? Мисс Митчелл незаменимая помощница, причем, она начинала работать еще с моим отцом.

МАЙКЛ СТОУН. И ты не хотел бы видеть в своей приемной молодую, излучающую здоровье и энергию, особу?

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Нет. Особенно, если ее энергия сразу же перейдет в сексуальную сферу.

МАЙКЛ СТОУН. Вот мы и подошли к основной части нашего с тобой довольно содержательного разговора.

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. Вы, мистер Берроуз, просили напомнить о предстоящей встрече с японскими предпринимателями.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Спасибо, мисс Митчелл. Кстати, я совсем забыл, на какое время назначено японцам?

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. На девятнадцать тридцать, сэр.

СТИВЕН БЕРРОУЗ (*Майклу Стоуну*). У нас еще в запасе более часа, можем всесторонне обсудить интересующую тебя тему (*мисс Митчелл, в аппарат*). Приготовьте, как обычно, дорогой коньяк, закуску из японского ресторана, естественно, чтобы звучала ненавязчивая классическая музыка.

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. Уже все заказано, мистер Берроуз. Для музыкального сопровождения подобраны арии из произведений Леонкавалла.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Еще раз спасибо, мисс Митчелл (*Майклу Стоуну*). Вот видишь, схватывает на лету...

МАЙКЛ СТОУН. Молодуха бы резвее схватила, причем, за самое интересное место (*видит выражение лица Стивена Берроуза*). Шучу, Стивен.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. У тебя и шутки...

МАЙКЛ СТОУН. Я как был, так и остался парнем с калифорнийского ранчо, несмотря на четырехлетнее пребывание в Кембридже. Вот ты - джентльмен! Но, любому человеку, независимо от его социального положения и прочих атрибутов, нужна подобающая оправа, причем, чем выше вышеозначенный субъект стоит на иерархической лестнице, тем более эта оправа должна быть значимей.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Ну, ты и умеешь заходить неординарно, совсем как стая камикадзе на Пирл-Харбор.

МАЙКЛ СТОУН (*коротко хохотнув*). Сравнил!.. Выходит, я действую в ущерб тебе, твоим интересам?

СТИВЕН БЕРРОУЗ. И каким это образом ты всерьез печешься о моем благе?

МАЙКЛ СТОУН. У тебя четверо детей, Стивен! Во всяко случае, трое малолетних.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А... Вот ты куда клонишь (*берет в руки стоящую на письменном столе фотографию, рассматривает ее*). Прошло целых два мучительных года, прежде чем я научился без боли смотреть на этот снимок. Здесь вся семья в сборе: я, Бетси, Изабелла, тогда ей было восемь лет, шестилетняя Памела и трехлетний Брайен. Джим, правда, уже совсем вырос...

МАЙКЛ СТОУН. Твоим детям нужна замена Бетси, нужна любовь и забота другой женщины. Да и ты сам еще мужчина в полном расцвете сил и способностей.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Положим, Бетси никем не заменить... Ну, а способностей к флирту и прочим донжуановским ухваткам у меня никогда не было.

МАЙКЛ СТОУН. Однако ты сумел завоевать первую красавицу Манхэттена! Помню, сколько пересудов вызвала ваша свадьба. Признаюсь, я тоже завидовал тогда тебе: такой увалень... Прости...

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Продолжай, Майкл.

МАЙКЛ СТОУН. Во всех салонах только и говорили о твоей несхожести с невестой, умной, тактичной и в то же время острой на язык. Ты, Стив, даже получил тогда прозвище: "Торнадо".

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Да? Странное какое-то.

МАЙКЛ СТОУН. Его дали в намек, что ты закружил голову девушке, мечте многих молодых людей из высшего света, охмурил ее.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. И никому в голову не пришло, что мы с Бетси просто безумно любили друг друга?

МАЙКЛ СТОУН. Это потом все поняли, когда вы начали вести уединенную, тихую жизнь, хотя и сожалели о прежней сумасбродной дочери финансового магната из Манхэттена, альпинистке и великолепной наезднице.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Сожалели?.. Прекрасно знаешь, что многие пытались добиться Бетси, нет, не ее любви, а просто как объект удовлетворения своей безудержной похоти! И не ты ли, Майк, тоже совершал попытки подобного рода?

МАЙКЛ СТОУН (*склоняет голову*). Прости, друг. Затмение какое-то нашло в то время на меня. А тут еще собственный неудачный брак...

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Вспомнил, тогда твоя Линда окончательно села, как говорится, на иглу.

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. Мистер Берроуз?

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Да. Я слушаю вас, мисс Митчелл.

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. Все подготовлено к приему делегации японцев, сэр. Кстати, только что посыльный принес из пошива ваш новый костюм.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Спасибо, мисс Митчелл (*Майклу Стоуну*). Слышал, какая исполнительность? А ты бы хотел всучить мне молоденькую неумеху, у которой все достоинства: длинные ноги.

МАЙКЛ СТОУН. Этот женский атрибут не так уж плох... (*поет*) "О ножки, ножки, кто вас не желает?.." Заметь – напрашивается ответ: импотент или дурак-пуританин.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Как ты, Майк, любишь все опошлить. А где же тогда любовь?

МАЙКЛ СТОУН (*поет*). "Любовь такая, глупость большая..." Шучу, не смотри так, мистер Торнадо.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Торнадо? Я давно уже не тот.

МАЙКЛ СТОУН. Пора тебе, Стивен, проявить старые, но проверенные качества: натиск, целеустремленность... и любовь.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Ты действительно шутник. Последнее качество является основополагающим: любовь или есть, или ее нет, а взамен является некий суррогат чувства.

МАЙКЛ СТОУН. Философ... Поэт подлинной и возвышенной любви, Петрарка из суматошного Нью-Йорка!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Опять выпендриваешься, впрочем, именно за твое критически-циничное отношение ты, Майкл, мне и нравишься, оно порядком отрезвляет. Хотя... временами тебя заносит за пределы разумного.

Стивен Берроуз встает, прохаживается по кабинету.

МАЙКЛ СТОУН. Что есть разумное? Мы, американцы, – всего лишь настоящие машины для делания денег. Мы все делаем на ходу: питаемся, воспитываем детей, занимаемся сексом. Знаешь, сколько времени среднестатичный американец посвящает этому деликатному занятию?

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Сколько?

МАЙКЛ СТОУН. Менее двух минут!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Не может быть.

МАЙКЛ СТОУН. Доказано на основе научных данных. Вот и сейчас, пока мы с тобой душевно разговариваем, ты умудрился уже несколько раз взглянуть на часы.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Так, ведь, японцы скоро должны здесь появиться.

МАЙКЛ СТОУН. К черту японцы! Ты и я должны все-таки обговорить насущную тему!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Не томи, выкладывай поскорей смысл твоей насущной темы.

МАЙКЛ СТОУН. Сядь, Стивен.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. С какой стати, Майкл (*садится*)? Может быть ты думаешь, что я от твоего известия упаду?

МАЙКЛ СТОУН. Все может произойти (*торжественно*). Тебе надо жениться, причем на русской женщине!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Жениться на русской!.. Ты это всерьез? У нас незамужних американок миллионы.

МАЙКЛ СТОУН. Серьезней не бывает. Понимаешь, босс, наши женщины хороши, слов нет, но они чересчур эмансипированы и также подвержены сумасшедшему темпу жизни, как и мы, мужчины. Они не в меньшей мере стремятся делать деньги, карьеру, иметь любовников, бросать их, чтобы заводить новых.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А русские?

МАЙКЛ СТОУН. На их языке они называются "бабы" и существенно отличаются от наших мисс. Нет-нет, у них все на месте, более того, красивей русских баб вообще трудно найти где-либо. Разве взять француженок, но вся их утонченность показная, как у мотыльков-однодневок. А русская баба ого-го! Она и иного мужчину за пояс заткнуть может.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. За пояс заткнуть? Как это, и зачем?

МАЙКЛ СТОУН. Таково в их языке выражение. Оно означает, что можно в любом деле опередить мужчину. О, русская женщина!.. Это – поэма, которую надо читать и перечитывать заново!..

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Вот уж не ожидал услышать от тебя любовь к поэзии. Только причем здесь я?

МАЙКЛ СТОУН. Русская баба имеет к тебе прямое значение. В России некоторых даже называют "ломовая лошадь".

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Совсем ничего не понимаю. Какая еще лошадь? И что она ломит?

МАЙКЛ СТОУН. Асфальт! Представь себе – натуральным тяжелым ломом!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Господи, да что это такое? Как может женщина крушить асфальт? У них там, что, механизмов никаких нет? Недаром говорят: Россия – страна чудес.

МАЙКЛ СТОУН. Есть, только труд, так называемых баб, намного дешевле, чем использование техники. Правда, в последнее время в России и постсоветских странах больше на стройках стали загружать азиатов.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Средневековые какое-то, использовать так труд женщин. Действительно, стоило мне выслушивать весь этот бред сидя. Я представил на мгновение с ломом свою Бетси или мисс Митчелл...

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. Через пятнадцать минут вам пора переодеваться, мистер Берроуз.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Я понял вас, мисс Митчелл. Большое спасибо за напоминание (*Майклу Стоуну*). Ты, Майкл, можешь представить мою секретаршу крушащей асфальт?

МАЙКЛ СТОУН. Конечно, нет. А русскую можно представить и не только в этой ипостаси. У них поэт позапрошлого века написал о собственных представительницах прекрасного пола: "Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!"

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Ист-ба... Язык можно сломать. Это, видимо, сверхсовременный тренажер для каскадеров?

МАЙКЛ СТОУН (*смеется*). Изба, или дом по-нашему, – место, где на печи в деревнях, как медведи, всю зиму спят русские мужчины. У них это раньше называлось: строить коммунизм.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Странно. Они, что, совсем не работают?

МАЙКЛ СТОУН. Да, некоторые предпочитали всю жизнь находиться в тепле и покое. При этом они не в меру употребляли напиток под названием «запой». Национальный герой русских, Илья Муромец, умудрился даже тридцать три года просидеть на печи, не вставая. Вот, разве, когда случится пожар...

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Что ж, я, пожалуй и не удивлюсь: в России, очевидно явная нехватка пожарных, да и их шланги, наверняка разворованы, вот и приходится при лежебоках-мужчинах входить в эту самую ист-бу их женщинам.

МАЙКЛ СТОУН (*торжественно*). Именно так! И поэтому лучше самоотверженной русской жены тебе не найти!

СТИВЕН БЕРРОУЗ (*встает; иронично*). Этой, как ее? Бабы с десятифунтовым ломом? А вдруг она в постели окажется настоящим Али-бабой (*поет*). "Али-баба..."

МАЙКЛ СТОУН. Дался тебе лом... Эти женщины – прирожденные домохозяйки, и к тому же могут продемонстрировать в отношении к своему избраннику настоящую нежность.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А ты откуда знаешь? Ты пробыв в Москве каких-то полтора года.

МАЙКЛ СТОУН. Я там много посмотрел за это время. Но совсем не обязательно видеть русских женщин у себя, на их родине. Их можно пристально рассмотреть и здесь, в Нью-Йорке.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Не понял. В квартал Брайтон-бич, сходить советуешь?

МАЙКЛ СТОУН. Нет. Ты помнишь Джека Мэтью?

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Владелец фирмы по продаже недвижимости?

МАЙКЛ СТОУН. Да, он самый.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Ну, и что Джек...

МАЙКЛ СТОУН. Помнишь, его жена четыре года назад сбежала с коммивояжером в Бразилию?

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Я что-то слышал об этой истории. Мне некогда, выкладывай подоплеку (*саркастически*). Джек, что, после этого случая сменил половую ориентацию?

Майкл Стоун смеется.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Майкл! У меня на подходе японцы!

МАЙКЛ СТОУН. Продолжаю... Джек недавно пригласил меня к себе на ужин и с величайшей гордостью представил молодую супругу.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Чем же тебя поразила новая избранница Мэтью?

МАЙКЛ СТОУН. Она из Петербурга. У Джека там появился бизнес.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. И это всё (*встает*)? Мне надо собираться.

МАЙКЛ СТОУН. Подожди пару минут. Садись.

Стивен Берроуз садится.

МАЙКЛ СТОУН. Рассказываю по порядку. Оксана работала у Джека менеджером, и все у нее и босса как-то вскоре сладилось. Видел бы ты Оксану – она беспрестанно улыбалась, расспрашивала меня о непонятных ей тенденциях в американском бизнесе, при этом угощала закусками собственного изготовления.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. И как они?

МАЙКЛ СТОУН. Блеск! Впрочем, кулинарной феерией можно назвать всё, что умеет делать новая жена Мэтью. Особенно мне понравился борщ.

СТИВЕН БЕРРОУЗ (*коверкая слово*). Бо-рщ? Выговорить даже трудно.

МАЙКЛ СТОУН (*смеется*). Ты бы попробовал это блюдо!.. В нашей стандартизированной кухне нет даже приблизительного аналога!.. Став женой Джека, Оксана сразу же уволила садовника и многочисленную прислугу.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Зачем?

МАЙКЛ СТОУН. Чтобы вести хозяйство самой, как принято у большинства русских, при этом поражая всех умением не только переделать тысячу дел за день, но и выглядеть счастливой и довольной жизнью. Причем, по нашим меркам Оксана не выглядит лакированной красавицей, обыкновенная, вот разве что некий постоянный блеск заинтересованностью во всем окружающем в глазах...

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Невероятно!

МАЙКЛ СТОУН. Я тоже так подумал, но вскоре убедился в уникальности избранницы Джека Мэтью. Она не стремится делать карьеру, не гремит часами железом в тренажерных залах, даже не перечит мужу.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Последним доводом, Майкл, ты меня окончательно сразил... Да, на фоне наших чересчур эмансипированных женщин баба Оксана является настоящей экзотикой. А каковы ее душевные качества?

МАЙКЛ СТОУН. Вот мы и подобрались к пику нашего с тобой разговора. Представляешь, хозяйка дома поразила меня не только внешним радушием и

приветливостью, но и неподдельной сердечностью. Она стала расспрашивать меня о моих детях, с нескрываемым интересом выслушивая каждую подробность. И тут я прозрел: именно такого типа женщина нужна тебе, Стивен.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. И тебе!

МАЙКЛ СТОУН. Мои дети уже давно выросли, да я как-то слишком вошел в роль старого холостяка, но... определенные выводы из этой истории я сделал и для себя.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Какие именно?

МАЙКЛ СТОУН. Мы с тобой на правильном направлении.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Мы? Значит и ты решил вновь жениться?

МАЙКЛ СТОУН. В некотором роде, хотя я больше предпочитаю гражданский брак. Все эти официальные церемонии мне совсем перестали нравиться.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А я приверженец традиционных отношений между женщиной и женщиной, нерасторжимых, конечно, по мере возможностей... Но я совсем не хочу, чтобы любая ломовая баба заткнула меня за пояс, как перчатку.

МАЙКЛ СТОУН. Это истинно русская идиома. Обычно, русские женщины приветливы и в глубине души кротки, конечно же, и среди них попадаются исключения.

СТИВЕН БЕРРОУЗ (*цитирует*). "Коня на скаку остановит..." А вдруг в роли коня окажусь я?

МАЙКЛ СТОУН. Я тебе самую кроткую бабу найду, и без всякого лома! Постой! Стивен, ведь ты же фактически согласился на поиск новой супруги! Невероятно! А я думал, тебя придется не один день уговаривать!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А всё потому, что моим крохам, действительно, нужна настоящая забота и нежность, какую не может дать приходящая няня.

МАЙКЛ СТОУН. Как и тебе!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А почему бы и нет? Ты знаешь, Майкл, мне очень даже понравилось твое предложение насчет бабы, которая "в горящую избу войдет". Это означает, что в случае любого катаклизма она не бросит моих детей. Вот, например, случится, по-настоящему, конец света...

МАЙКЛ СТОУН. Наконец-то понял... В России по такому случаю говорят, дошло, как до жирафа.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Как до жирафа?... Почему?

МАЙКЛ СТОУН. Потому, что у него шея очень длинная.

СТИВЕН БЕРРОУЗ. А... Русский юмор!

ГОЛОС МИСС МИТЧЕЛЛ. Мистер Берроуз. Пора! Минутная готовность!

СТИВЕН БЕРРОУЗ. Вот он, голос нашей суровой и практичной действительности (*в аппарат*). Иду, мисс Митчелл!..

Кратковременное затемнение.

ВИКА. Ну, как тебе, Света, понравилась работа Майкла?

СВЕТА. Неплохо... А как ты вышла на него?

ВИКА. Кто ищет, тот всегда найдет.

СВЕТА. А... догадываюсь: у тебя с Майклом роман?

